

Аннотация к сочинению
Графъ Е. А. САЛІАСЪ.

Въ сочиненіи
МАШКЕРАДЪ.

Аннотация
ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

—
Изданіе А. А. Петровича.

Slav 4353.62.383

Salinas

"Rassvet"

Доволено цензурою. Москва, 5 апрѣля 1905 года.

Шли девяностые годы XVIII вѣка.

Въ одномъ изъ глухихъ приволжскихъ намѣстничествъ хорошо была извѣстна всѣмъ въ округѣ большая вотчина князей Можайскихъ, именитыхъ и старинныхъ дворянъ, ведущихъ свой родъ чуть ли не со временъ Іоанна Калиты.

Столѣтнія барскія палаты, огромныя, окруженныя красивыми каменными службами, были выстроены еще во времена Годунова, и князья всегда жили въ своей вотчинѣ, но теперь за все долготѣе царствованіе императрицы Екатерины Алексѣевны палаты стояли пустыя, и во всей усадьбѣ было мертво-тихо, а всѣми распоряжался управляющій изъ княжихъ крѣпостныхъ.

Но въ день смерти знаменитаго князя Таврическаго его любимецъ князь Можайскій вдругъ появился въ давно забытой вотчинѣ съ женой, двадцатилѣтнимъ сыномъ и семнадцатилѣтней дочерью, а съ ними, конечно, цѣлый штатъ приживальщиковъ обоего пола. Домъ полный, какъ чаша, былъ все-таки наскоро снаружи подновленъ, а внутри отдѣланъ заново.

Усадьба и большое село, по прозвищу Сакмарское, ожили и казались люднымъ уѣзднымъ городкомъ.

Явились владѣльцы внезапно, неожиданно для себя и поневолѣ. Причина была „пустяковская“, но особенная...

Князь Павелъ Павловичъ Можайскій, потерявъ своего покровителя и друга въ лицѣ Потемкина и будучи видною личностью Петербурга и въ обществѣ, и при дворѣ, продолжалъ относиться къ одному очень молодому человѣку, внезапно возвысившемуся, такъ же, какъ относились къ нему всѣ приближенные покойнаго князя, т.-е. недружелюбно и строптиво.

Этотъ молодой человѣкъ былъ недавній графъ Платонъ Зубовъ.

Но что при жизни князя Таврическаго и сходило имъ всѣмъ съ рукъ, теперь становилось опаснымъ.

Однажды при простой встрѣчѣ и краткомъ разговорѣ всемогущаго фаворита съ княземъ Можайскимъ старикъ повелъ себя по-старому и пострадалъ тотчасъ же.

Дѣло было вечеромъ, послѣ ужина, но было во дворцѣ. У шестидесятилѣтняго князя водился маленькій грѣшочекъ — выпивать лишнее за ѣдой. Когда всѣ гости царицы поднялись послѣ ужина, графъ Зубовъ, проходя мимо слегка повеселѣвшаго князя, усмѣх

нулся и спросилъ безъ всякаго, однако, худого умысла: „доволенъ ли онъ ужинать?“

Князь охрысился и хватилъ въ отвѣтъ при многихъ придворныхъ, что спрашивать объ этомъ — дѣло хозяевъ дома, а не гостей.

Кое-кто злорадно ухмыльнулся... Зубовъ вспыхнулъ, объяснивъ, что исправляетъ свою должность генераль-адъютанта государыни, и затѣмъ выговорилъ, смѣясь ехидно:

— Каковы были кушанья, я не знаю. А вотъ вина, по всему вижу, что были хорошия, и ими иные не погнушались, даже до забвенія благоприличій.

Князь вспылилъ въ свою очередь, сказалъ нѣсколько дерзкихъ словъ, титулуя Зубова „ваше новосіятельство“, а затѣмъ добавилъ:

— Если во мнѣ вино заговорило, то только потому, что у васъ винъ много!

— Вы сами сейчасъ замѣтили, что они не мои, а государынины. Къ ней ваши рѣчи, стало быть, прямо и относятся, и я почту моею обязанностью ихъ до свѣдѣнія ея величества довести. Пускай государыня сама отвѣтъ дастъ.

Князь Можайскій на другой же день отправился къ государынѣ, но она уже была предупреждена и приняла старика сухо. Объяснивъ ему совершенное неприличіе его поведенія, она посоветовала идти просить извиненія у Зубова, а до тѣхъ поръ не бывать во дворцѣ.

Князь заявилъ, что при такихъ условіяхъ оставаться ему въ Петербургъ и при дворѣ не слѣдъ и что онъ предпочитаетъ уѣхать изъ столицы. Государыня разсмѣялась и отвѣтила, что это самое лучшее, что князю остается сдѣлать. И чрезъ три мѣсяца село Сакмарское и усадьба увидѣли своихъ владѣльцевъ послѣ тридцатилѣтняго отсутствія. Строптивое поведеніе и отъѣздъ князя, конечно, кромѣ толковъ, ничего особеннаго не произвели, такъ какъ онъ не былъ виднымъ государственнымъ сановникомъ, а только придворнымъ и богатымъ обывателемъ.

— Вотъ кабы князь мой Григорій Александровичъ этотъ „зубъ“ во время выдернулъ, то и мы бы теперь не подверглись изгнанію, — бурчалъ Можайскій.

Поселившись въ глуши деревни, князь, конечно, зажилъ, какъ подобало вельможѣ, однако въ его житьѣ-бытьѣ была одна особенность. Проживъ около года, онъ ни съ кѣмъ изъ дворянъ помѣщиковъ своего круга не познакомился, ни у кого не бывалъ и къ себѣ не позвалъ. А нѣкоторыхъ изъ дворянъ, которые явились сами съ поклономъ въ Сакмарское, принималъ, вмѣсто князя, его дальній родственникъ, дряхлый старикъ, тоже князь Можайскій, но бѣдный, жившій у него на хлѣбахъ.

Разумѣется, все намѣстничество, весь округъ — и дворяне и чиновники, — всѣ были обижены и злобствовали на гордеца.

Князю, конечно, было скучно въ деревнѣ, молодому князю еще учнѣе, хотя отецъ и позволялъ ему отлучаться и ѣздить изрѣдка

и не надолго въ обѣ столицы. Княгиня была рада спокойной жизни. Зато всего скучнѣе было молодой княжнѣ, которая въ ея годы могла бы веселиться въ Петербургѣ, а теперь была обречена снова по пустымъ апартаментамъ большого дома.

II.

Однако, все Сакмарское, барскій домъ и усадьба, отъ зари до зари гудѣли отъ люда и копошились, какъ большой муравейникъ, такъ какъ князь Павелъ Павловичъ, отлично понимая, что его дѣтямъ эта жизнь въ глуши будетъ тяжела и даже невмоготу, старался, насколько можно было, облегчить ихъ положеніе.

Прежде всего онъ устроилъ такъ, что у него завелись нахлѣбники и приживальщики. Кромѣ того, онъ постоянно приглашалъ къ себѣ на побывку знакомыхъ изъ обѣихъ столицъ и всячески удерживалъ гостей елико возможно долѣе. Приѣзжавшіе на мѣсяцъ жили и три мѣсяца. Гости изъ небогатыхъ оставались на неопредѣленное время и становились какъ бы тоже приживальщиками.

Въ усадьбѣ было поэтому столько народу, что за столъ садилось ежедневно до тридцати человекъ. Но главное развлеченіе въ сакмарскомъ былъ свой домашній театръ въ отдѣльномъ зданіи и, конечно, свой оркестръ музыки. Музыканты, а равно и актеры были наполовину вольнонаемные и наполовину свои крѣпостные. Главный актеръ, Захаръ Полушкинъ, игравшій всякія роли одинаково хорошо, человекъ съ истиннымъ дарованіемъ, былъ поварь князя. Онъ страстно любилъ театръ и любилъ трагическія роли. Онъ готовъ былъ бы всего себя посвятить одному „актерничанью“, но, къ его несчастью, онъ былъ слишкомъ большимъ искусникомъ въ поварскомъ дѣлѣ... Князь не могъ замѣнить его другимъ, хотя и пробовалъ. Ставя свою любовь къ яствамъ гораздо выше любви къ „свободнымъ художествамъ“, князь говорилъ Захару:

— Будь ты первый актеръ на всю вращеную Русь, и все-таки я тебя изъ стряпуновъ своихъ не выпущу.

Главная актриса, тоже даровитая, игравшая и молодыхъ и старухъ, при чемъ хорошо танцевала всякіе танцы послѣ двухъ-трехъ уроковъ, была главной горничной, но равно чуть не первымъ другомъ самой княжны. Пелагея или Палаша была просто наперсницей княжны, которая не имѣла отъ любимицы тайнъ.

Если молодая княжна скучала въ глуши, то молодой князь за послѣднее время нашелъ себѣ утѣшеніе—быть можетъ, съ тоски. Но все-таки онъ былъ поглощенъ теперь тѣмъ, что приключилось съ нимъ.

Пока княжна проводила дни, кочуя по дому, ея братъ все чаще исчезалъ изъ усадьбы.

Княжна Елизавета Павловна проводила время въ обществѣ двухъ-трехъ пріятельницъ, дворянокъ изъ семей новыхъ приживальщиковъ, но большей частью предпочитала общество своихъ сѣнныхъ и горничныхъ дѣвушекъ. Эти были умнѣе тѣхъ. Орѣ

пѣли пѣсни и лихо плясали, особенно послѣ угощенія наливкой, выдумывали разныя игры, рассказывали страшныя сказки. Дворянки-подруги умѣли только щелкать орѣхи, ѣсть пряники и смоквы и молчать.

Князь Александръ Павловичъ, насколько могъ, чаще уѣзжалъ изъ дома въ гости къ сосѣду, премьеръ-майору Рудкому, ветерану турецкихъ войнъ; и, разумѣется, дѣлалъ это съ вѣдома и разрѣшенія отца. Это былъ единственный дворянинъ всего округа, котораго князь разрѣшилъ сыну навѣщать, но не звать къ себѣ. Рудкой былъ небогатый помѣщикъ въ десяти верстахъ отъ Сакмарскаго, съ которымъ молодой князь познакомился по особой и важной причинѣ, что, однако, скрылъ отъ отца. Случилось такъ... Однажды, отправляясь въ городъ, князь Александръ наткнулся на обычное явленіе. Среди дороги большой рыдванъ застрѣлъ въ трясинѣ. Четверка лошадей выбилась изъ силъ и не брала тяжелый экипажъ. Князь хотѣлъ уже проѣхать мимо, когда увидѣлъ въ окно кареты такое прелестное женское личико, что тотчасъ, оставивъ свою коляску, вышелъ и заговорилъ съ проѣзжими.

Въ рыдванѣ была молодая дѣвушка съ мамушкой, а на козлахъ и кучеръ и лакей были старики. Всѣ стали просить незнакомаго молодого барина помочь имъ въ бѣдѣ.

Простое дѣло, случавшееся чуть не ежедневно по всей Руси, благодаря двумъ причинамъ, плохимъ проселкамъ и огромнымъ дворянскимъ экипажамъ, всегда разрѣшалось на одинъ ладъ. Единственное спасеніе было въ томъ, чтобы вызвать крестьянъ изъ сосѣдней деревни, иногда за десять верстъ, и высвободить экипажъ изъ трясины и веревками, и просто руками.

Князь, прельщенный незнакомкой, радостно отозвался и тотчасъ отрядилъ своего лакея верхомъ на своей же пристяжной въ сосѣднюю деревню за народомъ. Черезъ часъ рыдванъ былъ вытасченъ и двинулся. Но за этотъ часъ князь, бесѣдовавшій съ молодой дѣвушкой, былъ въ нее уже по уши влюбленъ. И случилось такое, несмотря на то, что онъ всю юность провелъ въ Петербургѣ и слѣдовательно не былъ захолустнымъ, ничего на свѣтѣ не видавшимъ, юношей.

Узнавъ изъ разговоровъ, что молодая дѣвушка ѣдетъ гостить на недѣлю къ подругѣ, дочери премьеръ-майора Рудкого, ихъ ближайшаго сосѣда, князь, разумѣется, нашелъ предлогъ и чрезъ два дня былъ тоже въ гостяхъ у этого сосѣда. Старикъ ветеранъ и его семья оказались простыми и милыми людьми, а гостившая у нихъ барышня, Ольга Тулупьева, спасенная княземъ изъ трясины, его очаровала совсѣмъ. И онъ сталъ бывать у сосѣда ежедневно, влюбляясь все болѣе.

Однако, увы, вскорѣ свиданія прекратились. Красавица уѣхала домой, обѣщаясь снова пріѣхать къ подругѣ черезъ недѣлю. Князь былъ, однако, при прощаніи озабоченъ... Во-первыхъ, когда онъ, уже надѣявшійся на взаимность, попросилъ у очаровавшей его „Оленьки“ позволенія явиться и представиться ея отцу, то дѣвица

Тулупьева наотрѣзъ отказала въ разрѣшеніи и даже смутилась очень сильно.

Во-вторыхъ, на разпросы князя у Рущкихъ, гдѣ усадьба Тулупьевыхъ, они путали, противорѣчили и, видимо, не хотѣли ни за что сказать правду.

Наконецъ, въ-третьихъ, когда князь поручилъ одному изъ своихъ конторщиковъ разузнать и разыскать, гдѣ живутъ помѣщики Тулупьевы, то получилъ свѣдѣнія, что таковыхъ не только въ ~~этой~~ округѣ, но и во всемъ намѣстничествѣ нѣтъ. Есть Толбины, Потудовы и Туполдовы... Есть даже Тулупьевъ, но безъ семьи, одинокій и несовершеннолѣтній, подъ опекой дяди и находящійся уже съ полгода въ отсутствіи въ Москвѣ.

Все это вмѣстѣ было загадочно...

И князь, продолжая видаться съ своимъ предметомъ лишь изрѣдка и только у премьеръ-майора, былъ совершенно поглощенъ окрѣпшими чувствами. То обстоятельство, что „Оленька“ являлась въ сосѣдямъ, какъ сказочная царевна, невѣдомо откуда, и затѣмъ исчезала, невѣдомо куда,—быть можетъ, тоже не мало повліяло на молодого человѣка, постепенно преобразивъ любовную вспышку въ глубокое чувство.

Разумѣется, чтобы облегчить душу признаніемъ, князь Александръ повѣдалъ всю исторію любви и ея загадочную обстановку своей сестрѣ... Княжна Елизавета отвѣчала тѣмъ же и покаялась брату въ своемъ грѣхѣ...

Побывавъ однажды съ матерью уже давно въ губернской городѣ, она зашла въ городской садъ и видѣла тамъ такого красавца!.. Такого!? Ну, ни перомъ описать, ни кистью нарисовать, ни въ сказкѣ рассказать! Въ Петербургѣ такихъ нѣтъ! ~~Она~~ ~~какой-то~~ ~~день~~ послѣ полудня гуляетъ въ этомъ городскомъ саду... И она съ тѣхъ поръ уже два раза отпрашивалась у родителей въ городъ съ гувернанткой, якобы въ лавки, и была, конечно, въ саду и оба раза опять его видѣла... А онъ — не простой какой-то дворянинъ, а губернаторскій товарищъ! Это все разузнала Палама... Нарочно для этого ѣздила въ городъ...

— Но онъ на меня и глазъ не поворотитъ! — печально закончила княжка признанье.—Будто меня и нѣту!

III.

Но, живя въ трущобѣ, князь постоянно имѣлъ всякія свѣдѣнія изъ Петербурга, гдѣ остался близкій его другъ и кумъ, тоже вельможа и тоже придворный. И друзья неизмѣнно переписывались. Однажды князь получилъ отъ этого друга и „всезнайки“ большое письмо, которое заключало въ себѣ много вѣстей изъ столицы, придворныхъ новостей, а равно и городскихъ слуховъ. Изъ него князь узналъ, между прочимъ, одну новость крупную. Тотъ же врагъ его, графъ Платонъ Александровичъ, уже сталъ, въ отличіе отъ своихъ братьевъ, княземъ Зубовымъ.